

- 004 АВИАЦИЯ: ОДА ОСВОБОЖДАЮЩЕЙ РАДОСТИ. ВВЕДЕНИЕ
AVIATION: AN ODE TO LIBERATING JOY. INTRODUCTION
- 008 ФЕДОРОВ И МАЛЕВИЧ. БЕСПРЕДЕЛЬНОСТЬ КОСМОСА. АНДРЕЙ ВЕЛИКАНОВ
FYODOROV & MALEVICH. THE INFINITY OF SPACE. ANDREI VELIKANOV
- 016 ЛЕТАЮЩИЕ ОБЪЕКТЫ АЛЕКСАНДРА РОДЧЕНКО В КОНТЕКСТЕ
ИСКУССТВА АВАНГАРДА. АЛЕКСАНДР ЛАВРЕНТЬЕВ
ALEXANDER RODCHENKO'S FLYING OBJECTS IN THE CONTEXT
OF THE AVANT-GARDE. ALEXANDER LAVRENTIEV
- 028 ПЕЙЗАЖ С АЭРОПЛАНОМ. НАДЯ ПЛУНГЯН
LANDSCAPE WITH AIRCRAFT. NADYA PLUNGYAN
- 034 АВИАЦИЯ МЕЖДУ ИСКУССТВОМ И ПРОПАГАНДОЙ. РАМИЗ АЛИЕВ
AVIATION BETWEEN ART AND PROPAGANDA. RAMIZ ALIEV
- 042 ПРОСТРАНСТВО
SPACE
- 064 МАШИНА
MACHINE
- 082 ГЕРОЙ
HERO
- 104 СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ
LIST OF ILLUSTRATIONS
- 110 АВАНГАРД И АВИАЦИЯ: ПЕРЕЧЕНЬ ЭКСПОНАТОВ
AVANT-GARDE & AVIATION: LIST OF EXHIBITS
- 133 ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ
INDEX OF NAMES

ФЕДОРОВ И МАЛЕВИЧ. БЕСПРЕДЕЛЬНОСТЬ КОСМОСА

АНДРЕЙ ВЕЛИКАНОВ

For English version of the article
see p. 014

Эпоха модернизма, под которой я буду понимать состояние культуры, связанное с неклассической философией (начиная с Ницше, Фрейда и Маркса) и с авангардными художественными практиками (начиная с кубистов и футуристов), создала совершенно особый тип самобытного философа, мечтателя и пророка. К этому типу можно отнести наших соотечественников — Николая Федорова и Казимира Малевича. Оба не были профессиональными философами, но оба выдвигали дерзновенные идеи. Первый шел от христианской идеи воскрешения к такому миру, в котором человек останавливает биологическую эволюцию и творит себя сам. Второй — через искусство как инструмент познания и метода — в мир, в котором человеку подвластно все и нет границ его творческому потенциалу. Оба проекта утопические, оба не реализованы и вряд ли могут быть когда-либо реализованы. И это закономерно: в конце эпохи модернизма, которая завершается трагедией, насилием и кровью, пожаром Второй мировой войны, звучат слова о покаянии:

Писать стихи после Освенцима — это варварство
(Теодор Адорно) и о попытке спасти мышление после Освенцима
(Жан-Франсуа Лиотар). Освенцим становится образом закономерно-го финала эпохи, в которой ницшеанский сверхчеловек ставил себя на место Бога.

Но во времена Федорова и Малевича человек еще не ощущал пределов собственной дерзости, не боялся выдвигать сколь угодно

смелые идеи. Как эти две фигуры связаны между собой? Федоров умирает в 1903 году, когда Малевич служит чертежником в Курске, он только через год приедет в Москву и попытается поступить в Московское училище живописи, ваяния и зодчества. После смерти русского Сократа, как Федорова называли московские почитатели, остается богатейшее наследие — его тексты. Однако известно, что Малевич называл себя *без-книжником*. В 1919 году в письме Михаилу Гершензону из Витебска он пишет:

Противники обложились книгами... Смешон был противникам (петроградским беженцам, профессорам и аполлонистам). Они произвели атаку последним совершенством, Бергсоном и другими. Таким образом, мне пришлось сражаться с неизвестными и непрошеными гладиаторами. Я и заявил, что меня вызывали такие-то, но не Бергсон, не Кант и Шопенгауэр, пусть они вылезут из-за прикрытий⁽¹⁾.

Малевич, со своим пятиклассным образованием сельскохозяйственной школы и подозрительным отношением к чужим текстам, которые он считал хранилищами чужих ошибок, не был начитанным человеком. Однако в тех спорах, в которых он постоянно принимал участие, он узнавал многое. В частности, значительное влияние на него оказало общение с Михаилом Матюшиным и его женой Еленой Гуро, с которыми он познакомился в 1911 году.

К тому времени, когда Матюшин, Крученых и Малевич задумывают постановку оперы *Победа над Солнцем (1913)*, Гуро уже умирает, но дружба с Матюшиным продолжается в течение всей жизни Малевича. Именно Гуро, с ее стремлением к мистическому опыту и бессмертию через творчество, могла обсуждать с Малевичем идеи Николая Федорова.

Однако не так уж важно найти конкретную ниточку, связывающую двух наших героев. Гораздо важнее, что сама эпоха модернизма создает предпосылки для радикальных идей, которые иногда возникают независимо от уже прозвучавших. Тем более что и Федоров, и Малевич были гениальными интуитивистами, проникавшими в те области, которым рациональное мышление не всегда доступно.

Христианская идея жизни после смерти («чаю воскресения из мертвых и жизни будущего века») получает у Федорова самый что ни на есть практический смысл. Всех когда-либо живших *отцов* следует воскресить. Сейчас это невозможно, но в будущем наука позволит практически реализовать эту идею. Соответственно, надо собирать тщательную информацию об умерших, чтобы потом можно было превратить их в живущих. Федоров предлагает создать музей, содержащий сведения обо всех *отцах*:

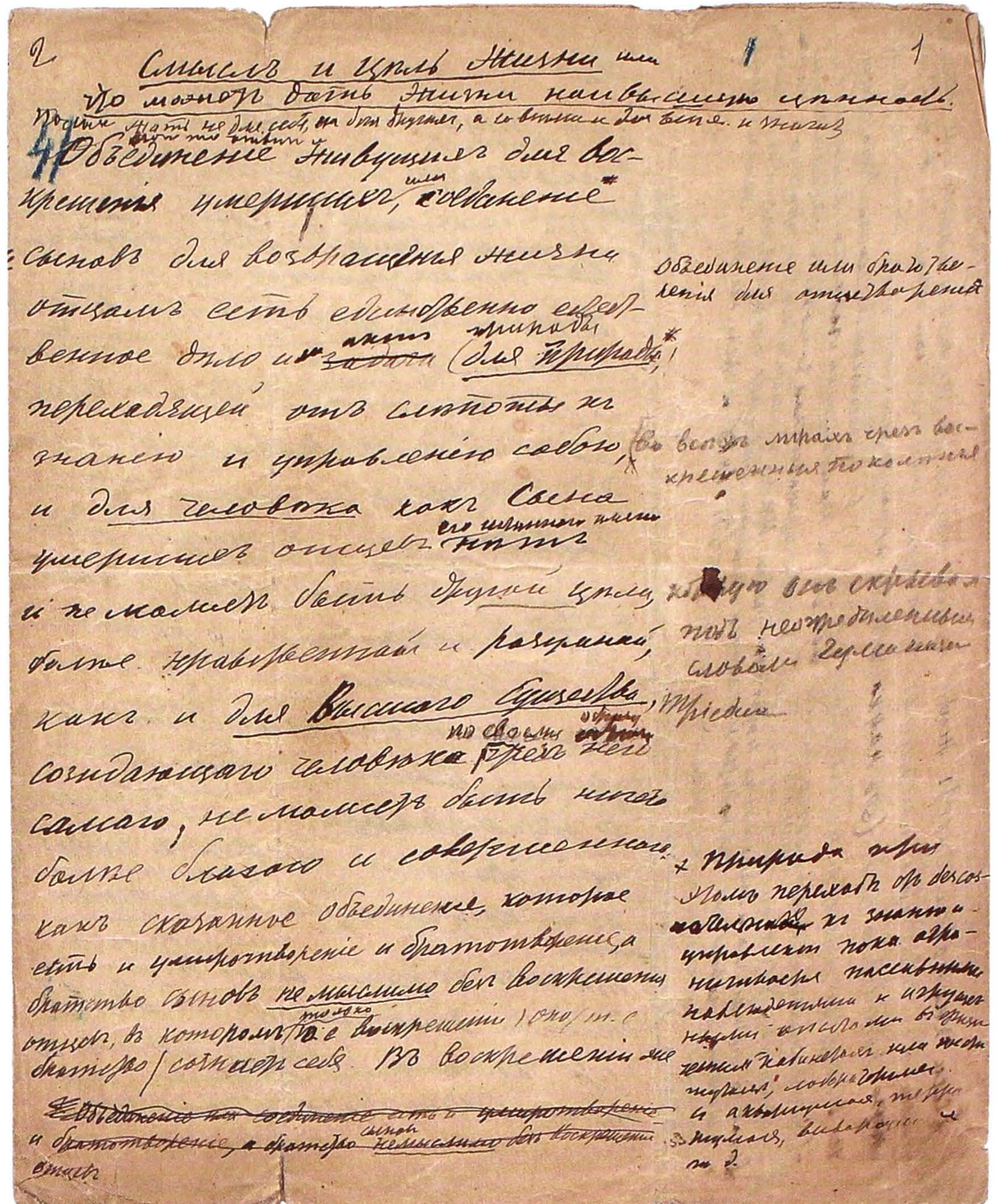
Музей есть не собрание вещей, а собор лиц; деятельность его заключается не в накоплении мертвых вещей, а в возвращении жизни останкам отжившего, в восстановлении умерших, по их произведениям, живыми деятелями⁽²⁾.

Прообраз такого музея уже есть — это кладбище. Надо его лишь правильно организовать и использовать.

Николай Федоров
Смысл и цель жизни, или
Что может дать жизни высшую
ценность. Рукопись. 1880-1890-е
Nikolai Fyodorov
The purpose and goal of life,
or what can give life a higher
value. Manuscript. 1880-1890s

Лазарь Хидекель
Обитаемая сфера в космосе. 1922
Lazar Khidekel
Habitable sphere in space. 1922

Только кладбища могут быть превращены в полные музеи,
а не в музеи-кабинеты лишь редкостей, каковы нынешние музеи.
Только кладбищенские музеи есть памятники для всех без исключе-
ния людей, а не одних только великих...⁽³⁾

В этих словах максимализм Федорова обретает трагическую ноту — могила самого философа не сохранилась (но известно, что она располагалась в районе Бутырской заставы). Отметим и здесь сходство с Малевичем, уже в посмертной судьбе. Могила Казимира Севериновича также утеряна, на ее месте построен жилой комплекс Ромашково-2.

Если воскресить всех когда-либо живших, то на Земле им не хватит места:

Вопрос об участии Земли приводит нас к убеждению, что челове-
ческая деятельность не должна ограничиваться пределами зем-
ной планеты⁽⁴⁾.

Федоров считает, что именно русские наиболее приспособлены для такой экспансии, поскольку они выработали этаким богатырский, удалой характер:

Ширь Русской земли способствует образованию подобных харак-
теров: наш простор служит переходом к простору небесного про-
странства, этого нового поприща для великого подвига⁽⁵⁾.

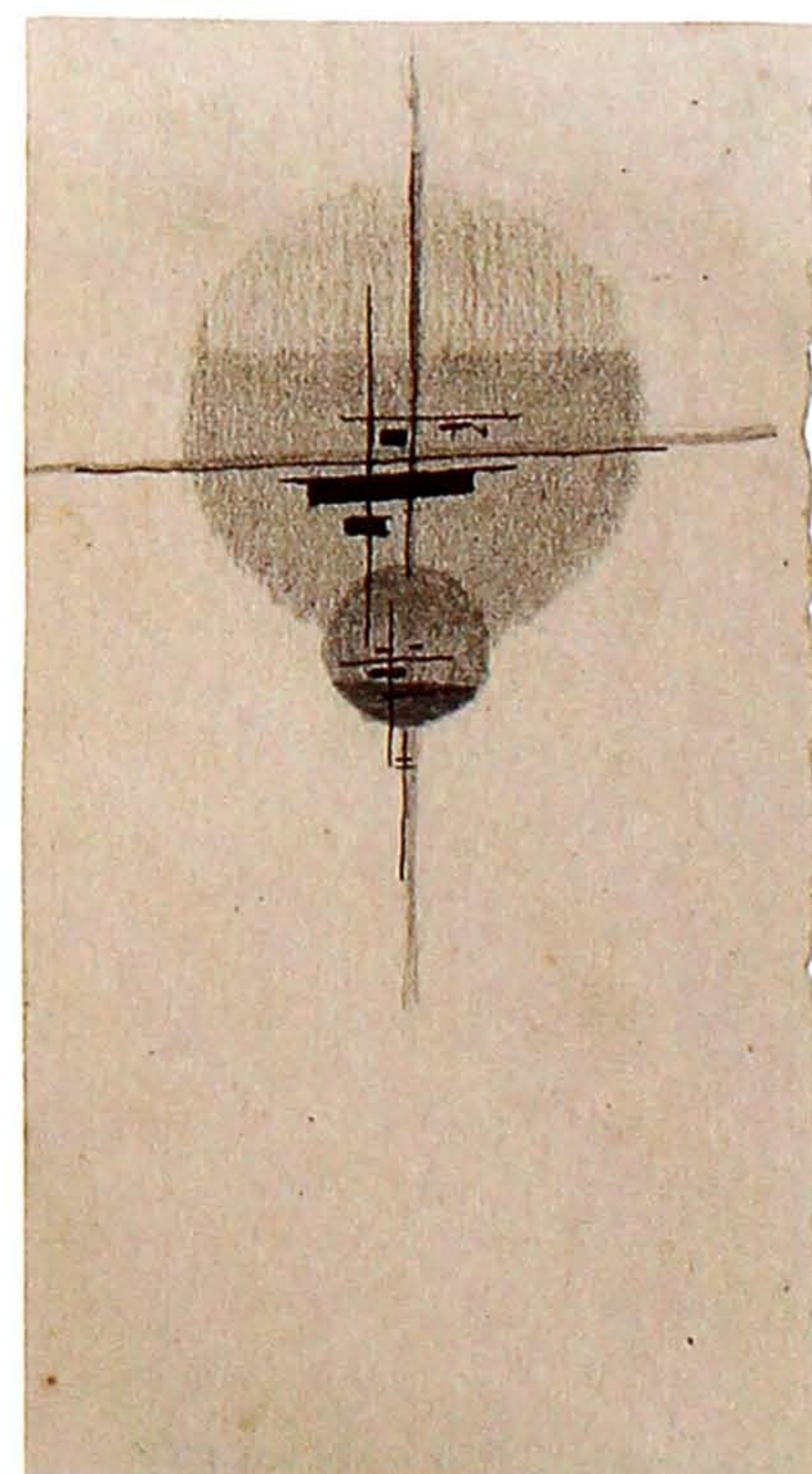
И Федоров совершенно прав: советские космонавты подвергались немислимым истязаниям во время подготовки к полетам, но их энтузиазм не знал границ. 13 апреля 1961 года, в дни всенародного ликования после полета Гагарина, *Литературная газета* опубликовала письма в Академию наук простых советских граждан, предлагавших себя для полета на *корабле-спутнике*. Рефрен «разрешите мне первому» звучит в каждом письме. Мирская слава заявителям не интересна: «Пусть мое имя не будет известно никому, кроме вас»⁽⁶⁾. Несколько позже русские парни слали письма в ЦК с просьбой разрешить отдать жизнь за дело Ленина — послать их на Луну, даже если нельзя будет вернуть на Землю.

Идея космических полетов волнует и Малевича, причем она возникает именно как следствие идей в искусстве, создающем новый мир. Супрематизм зарождается как *взгляд с высоты*, не случайно в работе *Введение в теорию прибавочного элемента в живописи* Малевич говорит о фотографиях, сделанных с помощью аэропланов, как об окружении, вдохновляющем супрематистов. Развиваясь, это искусство пытается выйти из плоскости картины в объем. Так появляются трехмерные супрематические конструкции, которые мы можем назвать проектами космических станций, ведь Малевич говорит о них, как о *планитах*, то есть жилищах для *землянитов*, и даже, по-видимому, первым произносит слово *спутник* в этом контексте.

Характерная для модернизма безграничность, вселенский масштаб идей превращаются у русских авангардистов в то, что материалом для их экспериментов становится весь мир. Это были утопические проекты — как нужно мир построить или перестроить, сделать его идеальным для человека. Более того, инструментом для этих проектов также является весь мир. Отсюда особый радикализм методов и идей. Поэтому схожесть терминов — *супраморализм* у Федорова и *супрематизм* у Малевича — скорее всего объясняется не прямым заимствованием, а присутствием в одной эпохе, в которой все приобретало характер превосходной степени.

Методы Федорова необычны и радикальны. Как, собственно, он собирается воскрешать умерших? Да, пока это невозможно, но саму концепцию он описывает. Смерть трактуется как *разложение и рассеяние вещества*. Соответственно, для воскрешения надо собрать все частицы умершего человека, рассеянные по мировому пространству, и опять сложить их так, как было при его жизни. При всей необычности идей само пространство мыслится совершенно традиционно, как ньютоновская классическая конструкция из трех измерений и времени, равномерно текущего в одну сторону, без провалов и остановок. Это совершенно противоречит современным представлениям, даже позитивистским научным, не говоря уже о философских. У Федорова мир абсолютно познаваем, доказательством чего служит то, что его можно вообразить абсолютно познанным:

Представим же себе, что мир, вдруг или не вдруг, осветился, сделался знаем во всех своих мельчайших частицах, не будет ли тогда для нас ясно, какие частицы были в минутной дружбе одна

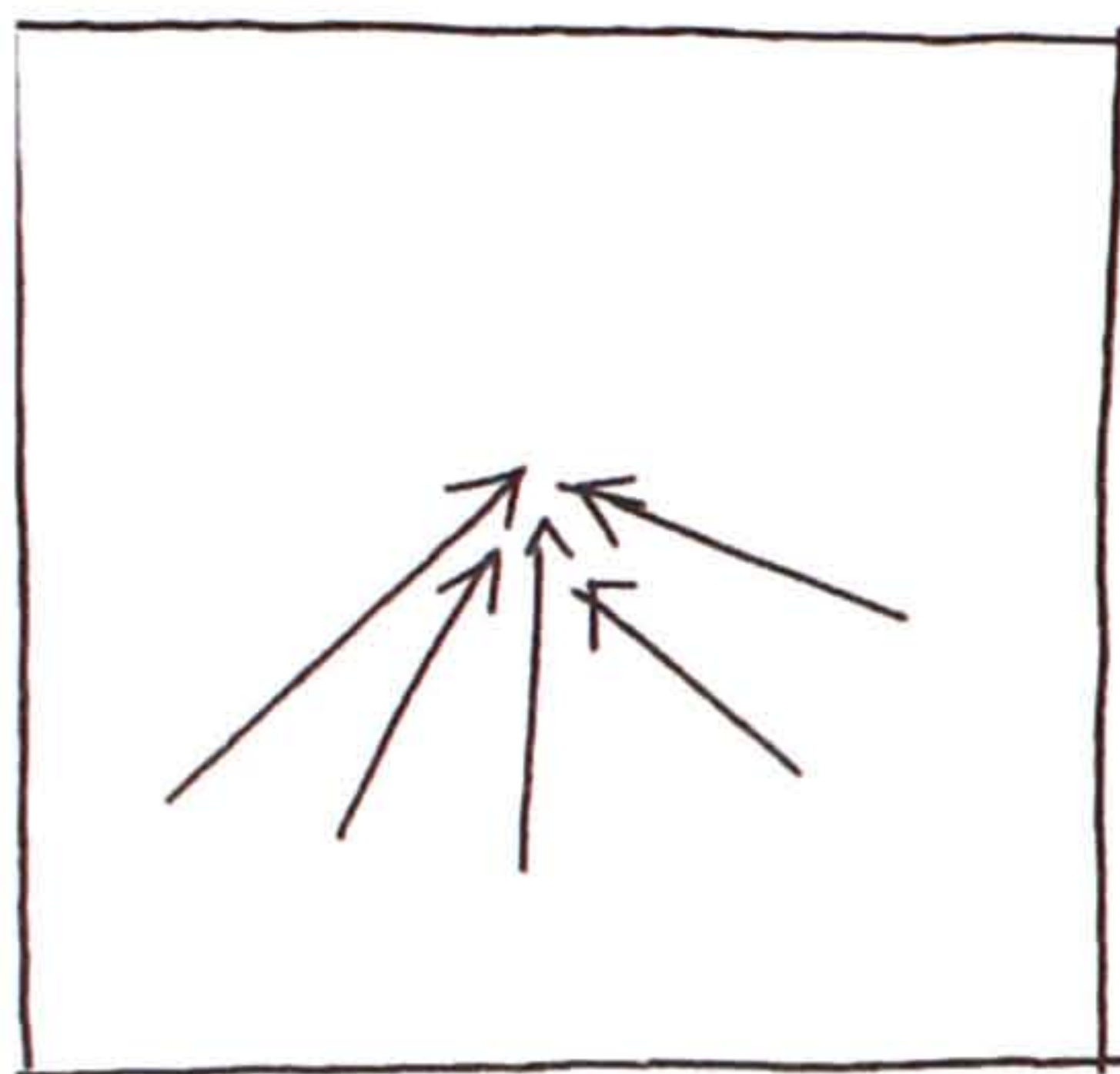

5

Андрей Великанов
Современное факсимильное
воспроизведение рисунка
Малевича 1920-х годов *График
соединения распылений*
Andrei Velikanov
Modern facsimile reproduction
of the drawing *Graph of compound
sprays* made by Malevich
in the 1920s

6

Николай Суетин
Супремат. 1927
Nikolai Suetin
Supremat. 1927

ПОСЛЕ СОВЕРШЕНИЯ РАСПЫЛЕНИЯ
ВСЕ РАЗНООБРАЗНЫЕ КЛЕТКИ СЕЙЧАС
ЖЕ СТРЕМЯТСЯ СОЕДИНИТЬСЯ ДЛЯ
ЧЕГО ТВОРЯТ ВСЕВОЗМОЖНЫЕ
СРЕДСТВА. ЭТИ СРЕДСТВА ВСЕ
ВИДИМЫЕ ФОРМЫ ПРИРОДЫ
В ТОМ ЧИСЛЕ ЧЕЛОВЕК.

с другой, в каком доме или организме они гостили вместе... Трудно открытие способов исследования, трудно также исследование первых двух, трех частиц, но затем работа становится доступной для многих, и наконец для всех людей, освобожденных от торгово-промышленной суеты⁽⁷⁾.

Механицизм Федорова вполне в духе утопических идей того времени, когда мироздание по-прежнему считалось механизмом, но человеку позволялось мечтать о том, чтобы дерзко вмешаться в самую его суть. Не было конца бесчисленным утопическим проектам, в которых утверждалось, что достаточно привести в определенное состояние и расположить в определенном порядке части организма, природы, общества, как этот объект начнет существовать по новым рукотворным правилам.

Переключка модернистских идей подчас удивительна. Вот что мы находим у Малевича:

Увидев во всем существо человека, мы потеряем видимость смерти, ибо увидим признаки или условия в целом бесконечном мире, поскольку будем проникать в его распыленность⁽⁸⁾.

Это высказывание Малевич сопровождает схемой *распылений*, и такая иллюстрация вполне подошла бы к текстам Федорова.

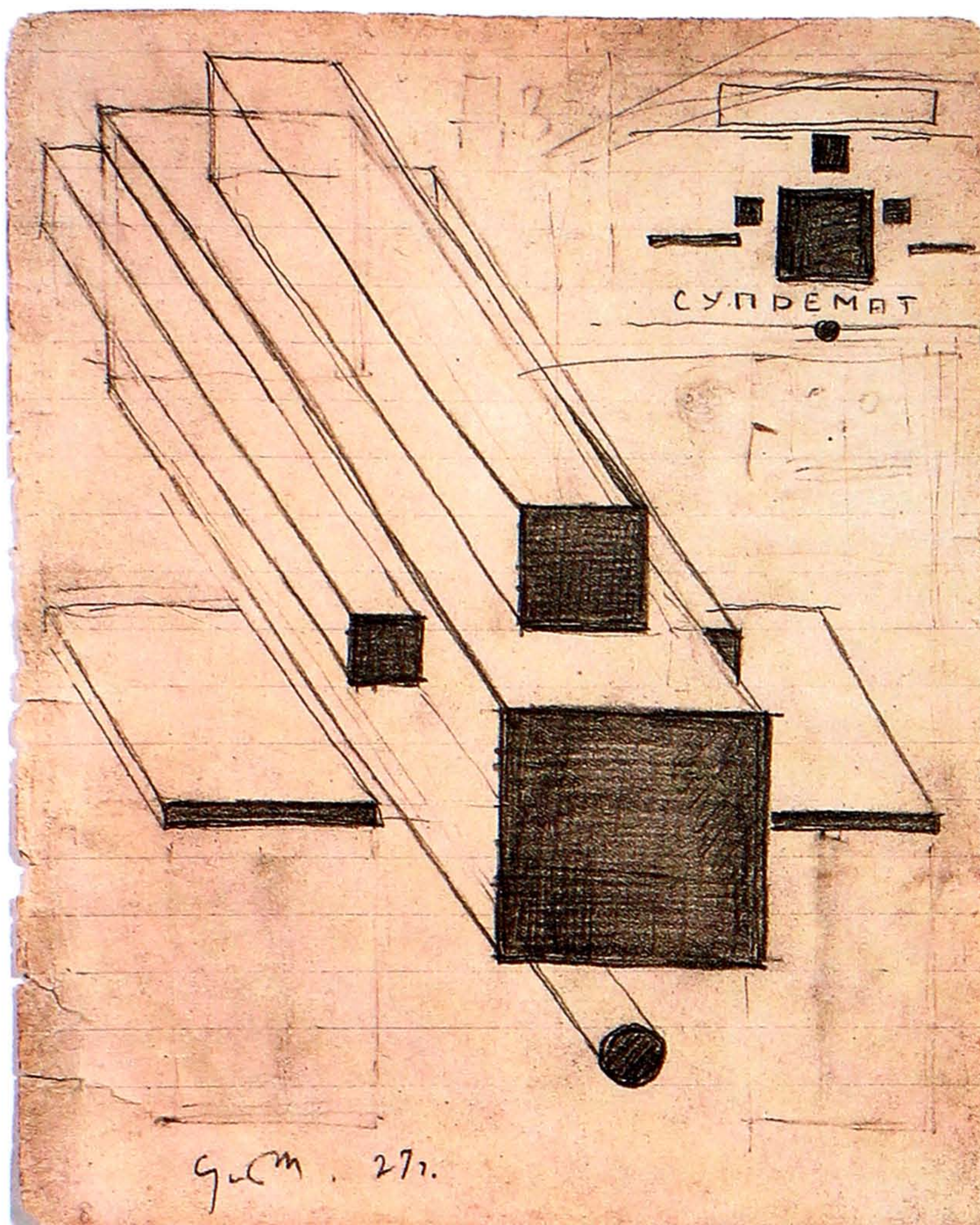
Мир Федорова антропоцентричен, человек занимает в нем место Бога, уничтожая смерть и рождение, останавливая сексуальное влечение. Человек, сделавшийся *нерожденным* и освободившийся от *торгово-промышленной суеты*, — высшая ценность Вселенной, но такой мир страшен своей беспощадностью к самому человеку. Антропология Малевича тем более безжалостна к человеку, которому, по идее, предназначено созидать новый мир, освободившись от *харчевой культуры*, но оказывается, что ему нужно покоиться в беспредметности, в идеальных отношениях и ощущениях. Завеса приоткрывается, и мы заглядываем в универсум эйдосов Платона. Этот опыт величествен и ужасен, но это априорное знание, а не реальность насилия конца эпохи модернизма.

Понимаем ли мы пророчества двух философов, в идеях которых чаще звучит мистическое, чем рациональное? И действительно ли модернизм закончился? И действительно ли мышление спасено после Освенцима? Нашли ли мы тот язык, на котором можно говорить о покаянии? Трагедия русского авангарда *остановленного на бегу* — это и трагедия всей культуры. Гораздо благоразумней дать возможность художникам экспериментировать в художественных практиках, чем отобрать у них такую возможность, тем самым позволив радикальным идеям осуществиться в самой жизни.

Малевич часто спорил, прибегая к неожиданным метафорам. В письме Эль Лисицкому в 1924 году он пишет:

Помните, я как-то говорил о том, как на меня напали в лесу несколько человек, но я не обращал внимания, лежал покойно, и это наступающих смутило, и они сказали «либо нож есть, либо что».
Так и у Вас, не знаете, кто я; <...> Относительно же того, что Вас не занимает положение пророка, да представьте, что и меня мало

тоже интересует пророчество; но больше всего это меня интересу-
ет политическая деятельность в Искусстве, его особая идеология
и отношение ко всему остальному, т. е. тому, что называют жизнью,
и что жизнь это и есть та печка, от которой нужно всему плясать.
Мую книжечку «Бог не скинут» Вы неверно усвоили на счет «скеп-
тицизма» и «отчаяния», наоборот, это оптимизм с моей стороны,
это оптимизм беспредметника...⁽⁹⁾

Мне кажется, что эти слова обращены и к нам, живущим сегодня.

- (1) Письмо Малевича М.О. Гершензону 21 декабря 1919 // Собр. соч. в 5 т. М.: Гилея, 1995–2004. Т. 2. С. 333.
- (2) Федоров Н.Ф. *Музей, его смысл и значение* // Собр. соч. в 4 т. М.: Прогресс, 1995–1999. Т. 2. С. 377.
- (3) Федоров Н.Ф. *Роспись наружных стен храма во имя двух ревностных читателей Живоначальной Троицы, греческого и русского, — при котором находится музей или библиотека* // *Философия общего дела. Статьи, мысли и письма Николая Федоровича Федорова* / Под ред. В.А. Кожевникова и Н.П. Петерсона. Верный, 1906. Т. 1. С. 599–616.
- (4) Федоров Н.Ф. *Вопрос о братстве, или родстве, о причинах небратского, неродственного, т. е. немирного состояния мира и о средствах к восстановлению родства (Записка от неученых к ученым, духовным и светским, к верующим и неверующим). Часть IV* // Собр. соч. в 4 т. М.: Прогресс, 1995–1999. Т. 1. С. 228–303.
- (5) Там же.
- (6) Литературная газета, 13 апреля 1961.
- (7) Федоров Н.Ф. *Вопрос о братстве, или родстве...*
- (8) Малевич К.С. *Супрематизм. Мир как беспредметность* // Собр. соч. в 5 т. М.: Гилея, 1995–2004. Т. 3. С. 313.
- (9) Из письма Эль Лисицкому. 6 сентября 1924 года // Собр. соч. в 5 т. М.: Гилея, 1995–2004. Т. 4. С. 302.

FYODOROV & MALEVICH. THE INFINITY OF SPACE

ANDREI VELIKANOV

The age of modernism, which I will take to include the cultural phenomena connected with non-classical philosophy (beginning with Nietzsche, Freud and Marx) and with avant-garde artistic practices (from the cubists and futurists onward), produced a very special kind of original philosopher, dreamer and prophet. Several Russians were of this type — namely Nikolai Fyodorov and Kazimir Malevich. Neither was a professional philosopher, but both proposed daring ideas. The former began with the Christian idea of resurrection and ended with a world in which humans put a halt to biological evolution and create themselves. The second moved through art as an instrument for understanding and as a tool to a world in which everything is under the control of people and there are no boundaries to creative potential. Both projects were utopian, but in the age of Fyodorov and Malevich, people did not realize the limits of their own daring and were unafraid to propose such bold ideas.

How were these two figures connected? Fyodorov died in 1903, when Malevich was still working as a draftsman in Kursk. After the death of the Russian Socrates — as Moscow admirers called Fyodorov — a rich legacy remained: his writings. However, it is known that Malevich called himself "non-bookish" and was not well-read. Nevertheless, he learned a great deal from the debates in which he constantly participated. He was influenced particularly strongly by his discussions with Mikhail Matyushin and his wife Yelena Guro, with whom he became acquainted in 1911. It was Guro, with her striving toward mystical experience and immortality through creativity, who discussed the ideas of Nikolai Fyodorov with Malevich. Much more important, though, was the fact that the age of modernism itself created the preconditions for radical ideas. And that both Fyodorov and Malevich possessed stunning intuitive abilities and could fathom areas not always accessible to rational thinking.

In Fyodorov's hands the Christian idea of life after death obtained a practical aspect. He suggested that every "father" should be resurrected. Today it is impossible, he said, but in the future, science would allow it. As such, one must collect comprehensive information about the deceased so that they can be brought back to life. Fyodorov suggested creating a museum containing information about all the "fathers": "A museum is not a collection of things but rather a gathering of people; its role is not the accumulation of dead things but the resurrection of the remains of the living, the revival of the dead, based on their works, into living personages." There is already a prototype of such a museum: the cemetery. It must merely be properly organized and utilized.

Only cemeteries can be transformed into complete museums, and not merely into cabinets of curiosities, as today's museums are. Only cemetery museums are memorials to all without exception, not only to great people.⁽¹⁾

With these words Fyodorov's maximalism obtains a tragic note, because his own grave was lost. Malevich had a similar posthumous fate. His grave is also lost, and the Romashkovo-2 housing complex was built on its site.

If all those who were once alive were to be resurrected there would not be enough space on the planet:

The question of the fate of the Earth leads us to the conclusion that human endeavors will not be limited to this planet.⁽²⁾

Fyodorov believed that Russians were best adapted for such expansion because of their heroic, bold character:

The breadth of the Russian land engenders the formation of these characteristics: Our wide open spaces serve as a transition to the space of the heavens, to this new arena for a great feat.⁽³⁾

And Fyodorov was completely right: Soviet cosmonauts underwent unimaginable torments when preparing for their flights, but their enthusiasm knew no bounds. On April 13, 1961, when the nation celebrated Gagarin's flight into space, *Literaturnaya Gazeta* (Literary Newspaper) published letters to the Academy of Sciences from normal Soviet citizens who offered themselves for the flight on the "satellite ship." The refrain "let me be first" can be heard in every letter. None of the applicants wanted worldly fame:

Let my name be known to no one except you.⁽⁴⁾

The idea of spaceflight also excited Malevich, though for him it emerged as a con-

sequence of ideas in art that created a new world. Suprematism emerged as a "view from above," and it is no surprise that in the work *Introduction to the Theory of the Additional Element in Painting*, Malevich discussed photographs created with the help of airplanes as part of the environment that inspired suprematists. It so happened that this art endeavored to transition from the flat surface of the painting into three dimensions. This is how 3D suprematist constructions came to exist, and we might describe them as projects for space stations, because Malevich spoke of them as "planets," meaning places where "earthlings" could live, and he was even the first to use the word *sputnik*, or "satellite," in this context.

The limitless, universal scale of ideas characteristic of modernism meant, for the Russian avant-gardists, that the entire world was their project. These were utopian projects — about how the world must be built or rebuilt, or made perfect for people. Moreover, the instrument for such undertakings was the whole world itself. This was the source of a particular radicalism of methods and ideas. The similarity between terms — Fyodorov's *supramoralism* and Malevich's *suprematism* — is most likely not a result of borrowing ideas but of their existing in the same era in which everything had the sense of being taken to some supreme level.

Fyodorov's methods were unusual and radical. How exactly was he planning to resurrect the dead? While it may have been impossible at the time he was writing, he nevertheless described his concept. He interpreted death as a "separation and scattering of substance." Meaning that in order to resurrect someone, all the particles of the dead person, scattered across the world, must be collected and put together again as they were during the person's life. Despite the strangeness of the idea he understood the concept of space in a traditional way, like in Newton's classic construction of three dimensions and of time evenly flowing in one direction. This was contrary to modern conceptions, even those in positivist science, not to mention philosophy. Fyodorov's world was completely knowable, proof of which was the fact that it could be fully imagined:

Imagine that the world, suddenly or not, is lit up, becomes known in all its tiny particles. Will it not then be clear to us which particles were in a fleeting friendship with others, in which home or organism they were guests together? ... It is hard to discover how the research is to be done; it is hard also to research the first two or three particles, but then the work becomes

accessible to many and finally to all people, freed from the fuss of commerce and industry.⁽⁵⁾

Fyodorov's mechanism was completely in keeping with the utopian ideas of the time, when the world was again perceived as a mechanism and people were permitted to dream of how to boldly alter its inner workings. The exchange of modernist ideas was at times surprising. Malevich wrote at one point: "Having seen the human essence we will lose sight of death, for we will see signs or conditions in a whole endless world, insofar as we will penetrate into its atomization." This statement by Malevich is accompanied by a diagram of the "atomization," and this illustration would be completely suited to Fyodorov's texts.

Fyodorov's world was anthropocentric. Humans occupy the place of God, destroying death and birth, and ending sexual attraction. A person made "unborn" and freed from the "fuss of commerce and industry" is the most valuable thing in the universe, but such a world is terrifying in its mercilessness toward the person himself. Malevich's anthropology is even more merciless toward man, who is predestined to create a new world having been freed from "grubby" culture, but it turns out that he must reside in abstraction, in ideal relationships and feelings. The curtain raises and we see Plato's universe of forms. This was a majestic and terrible experiment, but it was *a priori* knowledge and not the reality of the violent end of the modernist epoch.

Do we understand the prophecy of the two philosophers whose ideas often sound more mystical than rational? The tragedy of the Russian avant-garde "stopped mid-flow" is the tragedy of all culture. It is far wiser to give artists the chance to experiment in their artistic practice than to deprive them of it, in this way allowing radical ideas to be put into practice in life itself.

Malevich often debated and resorted to unexpected metaphors. In a letter to El Lissitzky in 1924 he wrote:

As to whether you care for the position of the prophet, you can be sure that prophecy is also of little interest to me; but most of all I am interested in political activity in art, its particular ideology and relationship to everything else, i.e. to that which is called life, and that life is the beginning from which everything must begin. You incorrectly categorized my little book 'God Is Not Overthrown' as 'skepticism' and 'despair,' but on the contrary it is optimism from my side, it is the optimism of the abstractionist.⁽⁶⁾

It seems to me that these words are addressed to us who live today.

- (1) Fyodorov, N.F. (1906). Rospis naruzhnykh sten khrama vo imya dvukh revnostnykh chtitelei Zhivonachalnoi Troitsy, grecheskovo i russkovo, — pri kotorom nakhoditsa muzei ili biblioteka [Fresco for the exterior walls of a church in the name of two zealous worshippers of the Life-Giving Trinity, Greek and Russian, inside which a museum or library is located]. *Filosofiya obshchevo dela. Statyi, mysli i pisma Nikolaya Fyodorovicha Fyodorova* [Philosophy of the Common Cause. Articles, Thoughts and Letters of Nikolai Fyodorovich Fyodorov]. Edited by V.A. Kozhevnikov and N.P. Peterson. Verny. Vol. 1. Pp. 599–616.
- (2) Fyodorov, N.F. (1995-1999). Vopros o bratstve, ili rodstve, o prichinakh nebratskovo, nerodstvennovo, t.e. nemirnovo sostoyaniya mira i o sredstvakh k vosstanovleniyu rodstva (Zapiska ot neuchyonykh k uchyonym, dukhovnym i svetskim, k veruyushchim i neveruyushchim) [The question of brotherhood, or kinship, about the non-brotherly or non-related, i.e. non-peaceful state of the world and about the means of restoring kinship (Notes from the illiterate to the erudite, to the spiritual and secular, to believers and non-believers)]. Part IV. Collected writings in four volumes. Moscow: Progress. Vol. 1. Pp. 228–303.
- (3) Ibid.
- (4) *Literaturnaya Gazeta* [Literary Newspaper]. April 13, 1961.
- (5) Fyodorov, N.F. Vopros o bratstve, ili rodstve... The question of brotherhood, or kinship...
- (6) From a letter to El Lissitzky. Sept. 6, 1924. Collected writings in five volumes. Moscow: Gileya. (1995–2004). Vol. 4. P. 302